

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН НА СТРАНИЦАХ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»
(ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)**

М. Е. Салтыков-Щедрин принадлежал к числу тех литераторов, деятельность которых вызывала живой отклик у Ф. М. Достоевского на протяжении всей его жизни.¹ Обзор их взаимоотношений — с вычлениением нескольких этапов, вобравших в себя как сотрудничество, основанное на интересе к творческой деятельности друг друга, так и яростную полемику, — дан в статье В. А. Туниманова «Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856—1863)».² Ученый отозвался в ней и о тех работах, которые связаны с темой взаимоотношений двух писателей, подчеркнув, что в них исследование преимущественным образом сводится к полемике, наиболее остро проявившейся в 1863—1864 годах в период издания журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»,³ и к идейной борьбе Ф. М. Достоевского с Щедриным как

¹ По теме «Достоевский и Салтыков-Щедрин» см.: *Козьмин Б. П.* «Раскол в нигилистах»: (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов) // Литература и марксизм. 1928. Кн. 2. С. 51—107; *Гиппиус В. В.* Новые материалы по полемике Щедрина с «Русским словом» и «Эпохой» 1864 г. // Лит. наследство. 1933. Т. 11—12. С. 87—144; *Борщевский С. С.* Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956; *Воград В. Э.* Полемика с Достоевским: Запрещенные цензурой статьи и рецензии Щедрина (1864 г.) // Лит. наследство. 1959. Т. 67. С. 363—402; *Нечаева В. С.* 1) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861—1863. М., 1972. По указ.; 2) Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха»: 1864—1865. М., 1975. С. 174—195; *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 76—85; *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин: Середина пути. 1860-е—1870-е годы: Биография. М., 1984. С. 94—145; *Cadot M.* Une guerre de publicistes: la polémique entre Saltykov et Dostoïevski // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1989. № 13. P. 31—36; и др.

² *Туниманов В. А.* Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856—1863) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 92—113. Следует с сожалением отметить, что эта статья пропущена в библиографии к статье «Салтыков-Щедрин М. Е.» в изд.: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: В 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 186—188.

³ См. статьи Достоевского «Журнальные заметки», «Опять „Молодое перо“», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Необходимое заявление», «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (1863—1864), а также примечания к ним Н. С. Никитиной: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1980. Т. 20. С. 83—96, 102—120, 125—132, 299—316, 319—329, 332—336; далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. См. также статьи Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (март 1863), «Литературные мелочи», «Стрижам (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому)», «Литературные кусты», «Гг. „Семейству М. М. Достоевского“, издающему журнал

одним из самых ярких представителей враждебного ему литературного лагеря. По предположению Туниманова, Достоевский «испытывал потребность и в добрососедских отношениях с Щедриным, и в острой полемике с влиятельным и талантливым „диалектиком“». ⁴ В статье показывалось, сколь обильно писатель использовал щедринские типы и «словечки» в своих художественных и публицистических произведениях, написанных еще до начала полемики с Салтыковым-Щедриным 1863—1864 годов. Настоящая статья продолжает эту работу, но уже на примере романа «Преступление и наказание», создававшегося в 1865—1866 годах. Собранный нами материал демонстрирует, насколько большим и значимым для Достоевского художником был Салтыков-Щедрин.

1

В части третьей романа Разумихин, уже встретившийся с Дуней Раскольниковой, пытается освободиться от завязавшихся было у него отношений с хозяйкой Раскольниковой и предлагает поухаживать за ней Зосимову, своему приятелю. Далее следует ее характеристика: «Тут, брат, этакое перинное начало лежит, — эх! да и не одно перинное! Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, — ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!» (6, 161). Несомненно, здесь есть «аллюзия на роман И. А. Гончарова „Обломов“ (жизнь Обломова у вдовы Пшеницыной в домике на Выборгской стороне)». ⁵ Однако не менее ошучимо в рассуждениях Разумихина и иное воздействие, идущее от рассказа «Скука» (1856) из цикла «Губернские очерки» Щедрина. Рассказ этот (в форме лирического монолога) повествует о деградации личности под влиянием «благоустроенного» чиновничьего бытия. Итожа горькие сетования, автор восклицает, предупреждая своего читателя о возможных последствиях его решительного разрыва с этой губительной «благоустроенностью»: «И если когда-нибудь придется вам горько и вы усомнитесь в вашем счастье, вспомните, что есть иной мир, мир зловоний и болотных испарений, мир сплетен и жирных кулебяк — и горе вам, если вы тотчас не поспешите подписать удовольствие вечному истцу вашей жизни — обществу!» ⁶ От этого мира отворачивается и Разумихин, предлагая небедную вдовушку начинающему, но уже зажившему доктору Зосимову.

В одном ряду с блинами, кулебяками, кацавейками и проч. Разумихин упоминает с негодованием еще и «пуп земли», и «трехрыбное основание мира». Это были образы из разряда тех, которые на страницах передовых изданий выставлялись как свидетельства отсталости, невежества русского народа. В статье «Луч света в темном царстве» (1860) Н. А. Добролюбов писал о драме А. Н. Островского «Гроза»: «Вы можете сообщить калиновским жителям некоторые географические знания; но не касайтесь того, что земля на трех китах стоит и что в Иерусалиме есть пуп земли, — этого они вам не уступят...» ⁷ Про «пуп земли» (своеобразной формы

„Эпоха» (1863—1864), а также примечания к ним А. А. Жук и Л. М. Розенблум: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 44—50, 473—495, 506—528, 579—587, 698—703, 706—708, 711—714. См. об этой полемике также в записных книжках Достоевского: 20, 188, 198—201.

⁴ Туниманов В. А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856—1863). С. 95.

⁵ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 216; об отголосках «Обломова» в работе над «Преступлением и наказанием» см.: Витюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 191—198.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 226.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 325.

камень) — весьма популярную тему в сочинениях о религиозно-мифологических народных представлениях, — сообщалось и в путевых записках Н. А. Благовещенского «Из воспоминаний бывалого об Иерусалиме», напечатанных на страницах журнала братьев Достоевских «Время» в 1862 году.⁸ Еще более популярен был в печати второй половины 1850—1860-х годов другой символ крайнего невежества — образ стояния земли «на трех рыбах (китах)» (см., например, в «Отцах и детях» И. С. Тургенева разговор Базарова с мужиком, который «с патриархально-добродушною певучестью» рассказывает ему о земле, которая «стоит на трех рыбах»)⁹. Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь» (1863, ноябрь) охарактеризовал через это верование отсталость русской университетской науки, остающейся в идеалистических путях, причем само слово «трехрыбный», появляющееся на страницах «Преступления и наказания», было, по-видимому, его неологизмом («словечком»): «И много погибнет человеческих голов жертвою такого верования, — писал Щедрин о студенчестве, — и долго придется потом их скоблить, чтоб соскоблить эту трехрыбную золотуху...»¹⁰

Примечательно, что в первоначальных планах Достоевского «три рыбы» упоминались в суждениях все того же Разумихина, но в ином эмоционально-оценочном ключе. Через этот образ он характеризовал не хозяйку, а коллежского асессора Чебарова, в руках которого оказывается вексель Раскольников и который — «сатирические стишки тоже пишет, общественные пороки преследует, предрассудки искореняет, от трех рыб, на которых земля стоит, в благодарное негодование приходит» (7, 52). В повести, которая представляла первую редакцию романа, Достоевский подчеркивает продажность дельцов такого рода: «...насчет того, как деньги содрать, нет такой шельмы, как те, которые от трех рыб в негодование приходят и этим торгуют. Именно, заметь это себе и напередки, и если, примером, ты трехрыбному задолжал или он тут только руку свою замешал, так уж тотчас норovit тебя в дом Тарасова.¹¹ На том стоят-с. Это у них положительный элемент и презрением к предрассудку называется, презрение к долгу, но не к долгам, в том случае, если им должен. Ну а Чебаров именно из трехрыбных, т. е. тех, которые дальше трех рыб ничего не знают». Был здесь и такой вариант: «*НЗ*. Три рыбы — это их предел»; и дальше, между строками: «как иной сатирический человек, из трехрыбного сорта» (7, 53). В этих рассуждениях Разумихина можно усмотреть желание Достоевского задеть кого-то из сонма «обличителей» первой половины 1860-х годов — возможно, Щедрина или же, что тоже вероятно, М. А. Антоновича (один из его псевдонимов: Посторонний сатирик), критика журнала «Современник», принимавшего живое участие в полемике с «Эпохой» братьев Достоевских. В своих выступлениях Достоевский настаивал, что «негодование» и критический пыл литераторов, собравшихся вокруг «Современника», подогревался желанием расширить подписку; именно поэтому он называл их «свистунами, свистящими из хлеба» (см.: 20, 50—51).

Почвеннический акцент в упоминании Разумихиным литераторов, взявших на вооружение обличение «трехрыбных» воззрений русского народа, исчезает при работе над окончательным текстом романа. Мнение Разумихина о «трехрыбном основании мира», которое он высказывает Зосимову и которое отвращает его от мира блинов, кулебяк и проч., не расходится с оценками, звучавшими со страниц «Современника»; оно имеет лишь приглушенную тональность — без сатирических

⁸ Время. 1862. № 2. С. 499—500. См. также: *Буслаев Ф. И.* О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1859. С. 11.

⁹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд. М., 1981. Т. 7. С. 172.

¹⁰ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. Т. 6. С. 174.

¹¹ Известное в Петербурге по имени домовладельца долговое отделение (Дом содержания неисправных должников).

заострений и с некоторым сочувствием.¹² Образ Разумихина в процессе создания романа получал подпитку из идейного арсенала радикального литературного лагеря, отдаваясь от тех почвеннических идей, которые вдохновляли Достоевского в период его активной журналистской деятельности.

2

Свидригайлов во время встречи в трактире заявляет Раскольникову: «Вы — Шиллер, вы — идеалист! Всё это, конечно, так и должно быть и надо бы удивляться, если б оно было иначе, но, однако ж, как-то все-таки странно в действительности... Ах, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъект! А кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю» (6, 362). В черновых записях Достоевского к «Братьям Карамазовым» обнаруживается сходное высказывание, отнесенное к Мите: «Я Шиллера любитель, я идеалист. Кто решил, что я пакостник, тот меня еще не знает» (15, 344).

Для Достоевского Шиллер был символом духовной чистоты и высокого благородства.¹³ При этом он понимал всю сложность проблемы восприятия в современных условиях и произведений немецкого поэта, и его личности. В начале 1860-х годов Шиллер стал той литературной фигурой, вокруг которой (в русле разного рода ответвлений журнальной полемики) разгоралась острая борьба в связи с вопросом об его «пригодности» для нового, молодого поколения, критически оценивающего культурно-исторический багаж прошлого.¹⁴ Весьма настороженно относились к немецкому поэту публицисты журнала «Русское слово». Особую позицию занял «Современник» и, в частности, Салтыков-Щедрин, писавший в хронике «Петербургские театры» (1863): «...идеализм совсем не в том состоит, чтобы верить непременно в Шиллера и ненавидеть Бюхнера; можно любить и признавать Шиллера величайшим поэтом и в то же время не быть идеалистом, как равно можно быть последователем Бюхнера и в то же время быть яростнейшим идеалистом...»¹⁵

Оригинальный вклад в обсуждение проблемы «русского Шиллера» внес М. Н. Катков. Говоря в 1862 году о том, какими представляются А. И. Герцену из

¹² Сходную трансформацию пережил в романе оборот «броситься (слететь) с колокольни». Ср. в «Преступлении и наказании» о Раскольникове: «...спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни»; «...решился, да как (...) с колокольни слетел...» (6, 315, 348). У Достоевского выражение имеет трагическое звучание (то же в романе «Идиот» — см.: 8, 345, 347), хотя в литературе середины XIX века оно использовалось как пример нелепейшего, чаще всего чисто русского проишествия. Ср.: «...слушали — ровно ничего не слушали, а *приказали* — ровно с колокольни слетели» в «Губернских очерках» («Первый шаг»; 1857 (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 461)); см. также о Тишке, одаренном гривенником за то, что «с колокольни упал», в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1849) (Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 118) и в статье Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859): «Вот источники приобретения для Тишки: сбегать за водкой, упасть с колокольни, выиграть, украсть» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. С. 59); ср.: «Он с колокольни свалился, из семинаристов» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 2. С. 140).

¹³ См.: 23, 31; 24, 248; а также: Фридендер Г. М. 1) Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 278—284; 2) [Рец.] С. Schulz. Aspekte der schillerschen Kunsttheorie im Literaturkonzept Dostojewskijs (...) 1992 // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 2. С. 89—91; Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции, научное описание. СПб., 2005. С. 102—103; и др.

¹⁴ См. об этом: 19, 286—291 (примечание Достоевского к статье Н. Н. Страхова «Нечто о Шиллере» (1861) и комм.); Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2012. С. 392—394.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 5. С. 169. Имеется в виду Ф. К. Х. Бюхнер (1824—1899), представитель вульгарного материализма, автор популяризаторских трудов о научных достижениях, получивших огромную популярность у русской молодежи в 1860-х годах.

эмиграции русские революционеры, он написал: это «Шиллеры с примесью Бабефа» (французского коммуниста, казненного в 1797 году).¹⁶ Достоевский видел всю сложность проблемы современного шиллерианства, поэтому в любви к немецкому поэту в его романе признается «сладострастник» Свидригайлов, далекий от каких-либо новых веяний, но угадывающий при этом «Шиллера» в нигилисте и социалисте Раскольникове (именно так называет себя герой в подготовительных материалах к роману: 7, 196). Напомним, что первая публикация «Преступления и наказания» появилась на страницах именно катковского «Русского вестника». Позиция Достоевского «по Шиллеру» была одной из тех, которые сближали его с идеологической платформой этого журнала.

3

Поручик Порох (Илья Петрович), встретив в полицейском участке Раскольникова, идущего с повинной, беззаботно шутит: «Слыхом не слышать, видом не видать, а русский дух... как это там в сказке... забыл!» (6, 406). Известная сказочная формула напоминает об острой полемике между Достоевским и Салтыковым-Щедринным 1863 года. В статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» Достоевский писал о «Современнике»: «Духа русского тут и слыхом не слышать и видом не видать. Чутья русского и во сне не предвидится» (20, 52). На это Щедрин ответил ему в хронике «Наша общественная жизнь» (март 1863), после цитирования слов о «духе русском»: «А в вас-то что русского? А что, если мы докажем, что все ваше русское есть не более как арбузные корки, выкинутые вам покойною „Русскою беседой“ за ненадобностью и обглоданием? А что, если мы докажем вам, что в вас только и есть русского, что „Мертвый дом“?»¹⁷ Возможно, именно поэтому персонаж Достоевского спотыкается именно на «русском духе», припоминая русскую поговорку и признаваясь перед Раскольниковым в своей «забывчивости».

4

Известно, что Достоевский особо ценил «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, появившиеся в «Русском вестнике» в 1856—1857 годах. Мелкие пересечения текста «Преступления и наказания» с очерками как этого, так и других циклов, вышедших в конце 1850-х — первой половине 1860-х годов, свидетельствуют о памятности для Достоевского многих «словечек» и образов Щедрина.

Мармеладов говорит в произведении Достоевского на языке чиновничества, великолепным знатоком которого, естественно, был Щедрин. Вот обращение Мармеладова к Раскольникову: «Были студентом или происходили ученую часть!» (6, 13). Глагол «происходить» употреблен здесь в значении «постигать, познавать».¹⁸ В 1850-х годах близкие по смыслу выражения начинают входить в литературную

¹⁶ Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. Т. 39. № 6. С. 834—852. Об этом выступлении Каткова см.: Гурвич-Лицинер С. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин об А. И. Герцене в январе 1863 года: (Эпизод борьбы «Современника» против клеветы реакционной печати) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970. С. 215; Красно Г. В., Викторovich В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и истории. М., 1986. С. 27—28.

¹⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 49. Щедрин упоминает о славянофильском журнале «Русская беседа», издававшемся в 1856—1860 годах.

¹⁸ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1961. Т. 11. Стлб. 1117.

моду — см. в «Губернских очерках» («Порфирий Петрович»; 1856): «Он, как говорят его почтенные сограждане, произошел всю механику жизни»; в «Невинных рассказах» («Гегемониев»; 1859): «...я много, брат, в жизни произошел». ¹⁹ Между тем еще в недавнем прошлом выражение было непривычным, и А. А. Бестужев-Марлинский в статье «Новый русский язык» (1833) с удивлением отмечал такого рода речевые обороты — «кучи слов без связи и смыслу»: «...в чины происходить к повышению производство (так! — С. Б.) в том же полку благоволил-с». ²⁰

Официальным языком владеет и Раскольников, что обнаруживается в его речи к собравшимся на поминках Мармеладова: «Прошу всех, всех прислушать...» (6, 308). Прислушать — «слушая, брать на особое замечание». ²¹ Выражение «извольте (прошу) прислушать» носило идиоматический характер; см., например, в «Губернских очерках» («Неумелые»; 1856): «Ну, вот-с, извольте прислушать. Ездили мы с ним, этта, на следствие». ²²

Возвращаясь из квартиры Порфирия Петровича, Раскольников говорит Разумихину о нем, что следователь «с досады прорвался» (6, 206). Согласно академическому словарю, прорываться (прорваться) означает: внезапно обнаруживаться, нечаянно, невольно проявляться. Ср. в «Губернских очерках» («Первый шаг»; 1857): «...как бы не прорваться нам на этом деле!» ²³

Весьма популярным к середине 1850-х годов становится имя Миколка — *производное (укр., белорус., многие диалекты рус.) от имени Николай*. Очерк В. В. Крестовского «Извозчик ванька» заканчивается словами: «Итак, Миколка делается негодяем. Но виноват ли в этом Миколка?» ²⁴ Это имя носит и один из героев «раскольниковского» цикла «Губернских очерков» («Старец»; 1856) Салтыкова-Щедрина. ²⁵ Молодой крестьянин Миколка, который силою обстоятельств втягивается в историю героя «Преступления и наказания», также происходит из раскольников.

В произведениях Щедрина Достоевский мог встречать и те выражения, которые некогда он старательно записывал в свою каторжную тетрадку. Например, выражение «отдай ты мне всё, да и мало!» (6, 133), восходящее к записи в Сибирской

¹⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 63; Т. 3. С. 10.

²⁰ Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1847. Т. 4. Ч. 10. С. 172. Ср. превратное (без привлечения необходимых авторитетных словарей) толкование выражения, употребленного Достоевским: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты. Петрозаводск, 1997. Т. 3. С. 771 (прим. В. П. Владимирцева).

²¹ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. вторым отделением Имп. Академии наук. 2-е изд. СПб., 1867. Т. 3. С. 1040.

²² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 252.

²³ Там же. С. 459.

²⁴ Крестовский В. В. Петербургские типы. СПб., 1865. С. 93; см. также в «Петербургских трущобах» (Ч. 3, 1865): Крестовский В. В. Петербургские трущобы: (Книга о сытых и голодных): В 2 т. / Подг. текста, прим. Т. И. Орнатской; вступ. статья М. В. Отрадина. Л., 1990. Т. 1. С. 264.

²⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 387, 392 и т. д. Ср.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 111, где высказывается ошибочное мнение о том, что «Миколка» являлся «редким производным вариантом». Два важных для раскрытия темы русского народа персонажа названы в «Преступлении и наказании» одним именем — это Миколка-убийца, из сна Раскольникова, «с мясистым, красным, как морковь, лицом», и Миколка-красильщик, крестьянский парень, из сектантов, желающий «принять страдание» на себя. Г. А. Мейер подчеркивал, что оба они носят имя угодника, особенно чтимого русским народом (Мейер Г. А. Свет в ночи. (О «Преступлении и наказании»); Опыт медленного чтения. Frankfurt a/M., 1967. С. 80—82). Достоевский писал А. Н. Майкову 9 (21) октября 1870 года: «Пишете Вы мне много про Николая-Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай-Чудотворец есть русский дух и русское единство» (29-1, 144—145); ср. слова об этом же святом, в народе называемом Микой, из письма Майкова, на которое и отвечал Достоевский: «...Миколка свое дело знает...» (29-1, 444). Наречение в романе одним и тем же именем двух персонажей, столь различных по направленности своих душевных наклонностей и свойств, по-видимому, подразумевает стихийную и противоречивую силу этого «русского единства».

тетради (4, 236), неоднократно использовалось Салтыковым-Щедриним, например, в «Невинных рассказах» («Развеселое житье»; 1859).²⁶

Выражение «спит во всю ивановскую» Разумихин относит к больному Раскольникову — ср. в рассказе «Развеселое житье» Щедрина: «Растянулся себе на подушках барин любезный, спит во всю ивановскую...»²⁷

Пришедший к Раскольникову Свидригайлов характеризует себя посредством латинского изречения «и я человек есмь et nihil humanum...» (6, 215).²⁸ Еще раз оно было использовано Достоевским в «Братьях Карамазовых» и передано собеседнику Ивана — черту (15, 74). Ср. в «Губернских очерках» («Горехвастов»; 1857): «...я, вы понимаете, славянин, хочу жить, хочу жуировать: *homo sum et nihil humani a me alienum puto*».²⁹

Выражение «Да он о двух головах, что ли!» (6, 234), которым «почтил» Лужина взбешенный Разумихин, было популярным в 1850—1860-х годах и относилось к безрассудно смелому человеку — см., например, в рассказе «Развеселое житье» (1859) Щедрина: «...чай, я не о двух головах!»³⁰

Слова «законченный человек, законченный человек-с, в семья пошел» (6, 257), которые относит к себе Порфирий Петрович, беседуя с Раскольниковым, несмотря на довольно значительную популярность самого выражения, в «Преступление и наказание» попали, скорее всего, из хроники Щедрина «Наша общественная жизнь» (ноябрь 1863). Здесь образ раскрывается с максимальной полнотой, объясняя автохарактеристику Порфирия: «Огурчик маленький, но уже сморщившийся, — пишет Щедрин, — он успел отцвести не цвета и пошел в семена, еще сам находясь, так сказать, в зародыше. Ничему он не удивляется, ничему не радуется, потому что все уж давно себе разрешил».³¹

Катерина Ивановна говорит о своей квартирной хозяйке: «...так как она чумичка, то и не может судить о том, что такое истинное благородство» (6, 299); и несколько ранее, она же, о сборище на поминках своего мужа: «...шуты какие-то! чумички!» (6, 294). Ср. в «Невинных рассказах» («Запутанное дело»; 1848) Салтыкова-Щедрина: «...в *ихней* земле водятся дворяне, но ведь и в других землях отнюдь не все же мастеровые или чумички какие-нибудь...»³²

Порфирий Петрович, говоря с Раскольниковым, сообщает ему о своем следствии: «...таким-то вот образом я и дошел до последних столбов...»; а несколько далее относит то же выражение уже к самому герою, его идейным поискам и преступной ошибке: «...долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел» (6, 346, 351). Дойти до последних (геркулесовых) столбов (столпов) — дойти до предела чего-либо, до крайней точки (имеется в виду античный миф, связывающий границы мира с двумя скалами в Гибралтарском проливе). В литературе 1850—1860-х годов выражение употреблялось, преимущественным образом, в ироническом смысле. См., например, в книге Герцена «Былое и думы» (ч. 4, гл. XXVII; опубл. 1855), о российском правительстве: «Вот до каких геркулесовских столбов безумия можно доправиться...»;³³ в статье Щедрина «Драматурги-паразиты во Франции» (1863), написанной с использованием «эзопова языка» и подразумеваю-

²⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 3. С. 177.

²⁷ Там же. С. 181.

²⁸ Имеется в виду изречение римского драматурга Теренция (II век до н. э.): «*Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto*» (Я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.)).

²⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 320.

³⁰ Там же. Т. 3. С. 170.

³¹ Там же. Т. 6. С. 165. См. также в статье из того же цикла за январь-февраль 1863 года и в «Современных призраках» (1863; опубл. 1934) (Там же. С. 15, 382). Об использовании выражения «пошел в семья» в романе Тургенева «Рудин» (1856) см.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 303.

³² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 3. С. 228.

³³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1966. Т. 9. С. 79.

щей жгучие проблемы общественной жизни: «То неразнообразное внутреннее содержание, с помощью которого обеспечивалась живучесть силы, исчерпывается само собою, исчерпывается потому, что дело скоро доходит до геркулесовых столпов, дальше которых идти некуда».³⁴ В «Идиоте» Достоевский придал выражению новый блеск, связав его со спецификой русского характера: «Наши как доберутся до берега, — говорит князь Мышкин, — как уверуют, что это берег, то уж так обрадуются ему, что немедленно доходят до последних столпов...» (8, 452).

5

Интересными представляются нам и упоминания в «Преступлении и наказании» тех реалий русской жизни, которые получили особо яркое, запоминающееся выражение именно в произведениях Щедрина. Вот Свидригайлов рассказывает Раскольникову, при первой встрече с ним, о своем шулерском прошлом: «Целая компания нас была, наиприличнейшая, лет восемь назад; проводили время; и все, знаете, люди с манерами, поэты были, капиталисты были. Да и вообще у нас, в русском обществе, самые лучшие манеры у тех, которые биты бывали, — заметили вы это? Это ведь я в деревне теперь опустился. А все-таки посадили было меня тогда в тюрьму за долги, гречонка один нежинский» (6, 218). Тема, связанная с греческой диаспорой в Нежине и привилегиями, дарованными ей еще Екатериной Великой, была весьма популярна в русской периодике. Ее рассматривали как часть сложной межнациональной проблематики — на фоне положения русских в Российской империи. В хронике «Наша общественная жизнь» (сентябрь 1863) Щедрин высказался о ней в хлесткой, афористичной форме: «...он малоросс и, в качестве угнетенной нации, вместе с остзейскими немцами, поляками, армянами, нежинскими греками и евреями, считает за долг надувать великорусов при всяком удобном случае; разница только в том, что остзейские немцы, армяне, нежинские греки и евреи надувают нас en gros,³⁵ а поляки и малороссы, как братья по крови, en detail».³⁶

Разумихин, принесящий больному Раскольникову поношенную одежду с Толкучего рынка, не удержался от шуточного упоминания о прославленном петербургском портном Е. Ф. Шармере, у которого и Достоевский заказывал себе платье: «...что значит у Шармера-то заказывать!...» (6, 102; см. также: 29-2, 29). Шармер был популярной фигурой в русских газетах и журналах с конца 1850-х годов. Его имя любил упоминать Щедрин, см., например, в «Сатирах в прозе» («К читателю»; 1862): «Платье Шармера легко и удобно; человек одетый этим портным, нередко впадает в недоумение, действительно ли он одет».³⁷

6

На протяжении всей своей творческой жизни Щедрин был очень внимателен к настроениям передовой интеллигенции, чутко реагируя на идейные расслоения и появление в ее среде, с одной стороны, «кающихся» и «катковствующих», а с другой — разного рода «сектаторов» и доктринеров.³⁸ Оценив эту сторону деятельности Салтыкова-Щедрина, Достоевский своеобразно использовал его выступления

³⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 5. С. 250.

³⁵ оптом (фр.)

³⁶ в розницу (фр.). Там же. Т. 6. С. 138.

³⁷ Там же. Т. 3. С. 283.

³⁸ См. об этом: Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л., 1984. С. 26—37.

против публицистов журнала «Русское слово» в своей полемической статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». Еще раз он прибегнул к его анализу настроений передовой молодежи, работая над «Преступлением и наказанием». Б. Н. Тихомировым были отмечены отголоски высказываний Щедрина в тех суждениях о нигилизме, которые выражает Лебезятников в беседе с Лужиным.³⁹ «Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, — пишет о Лебезятникове Достоевский, — которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опозлать ее, чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат» (6, 279).⁴⁰ В хронике «Наша общественная жизнь» (март 1863) Щедрин писал о персонажах такого рода: «...в слове „нигилизм“ обрели для себя какую-то тихую пристань, в которой можно отдыхать свободно, по временам делая набеги в область ерунды (...) эти невинные существа отнюдь не должны считаться представителями какого бы то ни было поколения (...) они изображают собой тот паразитский, из угла в угол шатающийся элемент, от которого, по несчастью, не может быть свободно никакое, даже самое лучшее дело».⁴¹ Этот «элемент» Щедрин назвал «вислоухими» нигилистами.⁴² В мае 1863 года появилась на страницах «Северной пчелы» статья Н. С. Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“», в которой также отделились «настоящие нигилисты (...) от нигилистствующих», охарактеризованных как «дрянце с пыльцой».⁴³

По мнению Б. Н. Тихомирова, к статье Щедрина восходило и высказывание Лебезятникова об одной из сторон жизни, наиболее проблемной в будущих фаланстерах: «Я первый, я готов вычистить какие хотите помойные ямы! Тут даже нет никакого самопожертвования!» (6, 285). Ср. в хронике Щедрина «Наша общественная жизнь» (март 1864) об особом внимании нигилистов — из числа «вислоухих» — к «когорте самоотверженных» (подростков), которым предназначалась в будущем гармоническом обществе самая грязная работа и которых сатирик относил к «сочиненным и только портящим дело подробностям» теории Фурье⁴⁴ (здесь подразумевается глава «О маленьких ордах» из его книги «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти», 1830).⁴⁵ К учению Фурье Салтыков-Щедрин, как известно, относился с огромным уважением.⁴⁶

В изображении Лебезятникова Достоевский привнес и полемический элемент, связанный с переадресацией «Современнику» важного упрека из арсенала обличительства. Неслучайно Лебезятников назван в романе «самодуром». В статье Добролюбова «Темное царство» (1859) тема самодурства была основной и раскрывалась на образах героев А. Н. Островского из купеческой среды: «Самодурство и образование — вещи сами по себе противоположные, и потому столкновение между

³⁹ См.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 314—315.

⁴⁰ Ср. в рукописных редакциях: «Да ведь это из глупеньких; есть гораздо умнее; по одному не судите...»; «Есть тысячи дураков, тупых, с изъяном. Этих мы взяли не брать» (7, 191, 208).

⁴¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 322.

⁴² См.: Гиппиус В. В. Новые материалы по полемике Щедрина с «Русским словом»... С. 92—94, где хлесткая характеристика Щедрина отнесена к В. А. Зайцеву.

⁴³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 18, 22.

⁴⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 324; подробнее см.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 324—325.

⁴⁵ Фурье Ш. Избр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 412—425.

⁴⁶ В 1860-х годах в русской литературе складывается традиция сатирического использования образа фаланстера, однако с разными общественно-политическими акцентами. Так, Щедрин считал, что эта идея французского социалиста сформировалась в русле глубокого цивилизационного развития, вне которого она становится «каким-то пугалом в виде фаланстера» («Итоги»; 1871 (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 7. С. 452)).

ними, очевидно, должно кончиться подчинением одного другому: или самодур проникнется началами образованности и тогда перестанет быть самодуром, или он образование сделает слугою своей прихоти, причем, разумеется, останется прежним невеждою». ⁴⁷ В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский высказался о «фельдфебелях цивилизации и европейских самодурах» (5, 62), перенеся тем самым понятие самодурства на ту часть образованного русского общества, которая предписывала России далекие от ее национальных основ пути развития. Полемическое восприятие идей «Темного царства» отразилось и в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1862 год: «Без почвы ничего не вырастет и никакого плода не будет, — писал Достоевский. — А для всякого плода нужна *своя* почва, *свой* климат, *свое* воспитание. (...) Как не согласиться, что многие явления даже прошедшей, отжившей жизни нашей мы меряли слишком узкой меркой? (...) Даже во многих явлениях, прямо отнесенных нами к „темному царству“, мы проглядели почвенную силу, законы развития, любовь» (19, 148). ⁴⁸

Таким образом, нигилист Лебезятников принадлежит не только к «вислоухим», как сказал бы о нем Щедрин, но, по оценке Достоевского, еще и к самодурам, видящим русскую жизнь, в ее прошлом, настоящем и будущем (естественно, под знаком nihil), в превратном освещении. Этот почвеннический оттенок в характеристике нигилиста крайне важен, причем он проявляется лишь в том историко-литературном контексте, в котором формировался замысел великого романа Достоевского.

⁴⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. С. 86.

⁴⁸ В апреле 1869 года Достоевский, однако, с одобрением вспомнил в письме к Страхову об этой статье Добролюбова, попавшей, по его словам, «на хорошую почву» (29-1, 36, 405). Ср.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». С. 315.